

М.А. Стоякин*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИВОТНЫХ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
И ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ В КОГУРЁ

На основе доступной информации по остаткам животных с поселений и погребений раннесредневекового государства Когурё в статье раскрыта роль диких и домашних животных в жизнеобеспечении когурёского населения, а также особенности их использования в погребальной практике Когурё. На примере городища Хорогору в Южной Корее выявлен состав домашнего стада, включавший 4 вида. Собранный информация по костям животных из погребений на территории Кореи и Китая позволила показать разнообразный характер использования домашних и диких животных в погребальном обряде. В ходе сопоставления остеологических данных с бохайских памятников выявлены общие черты в составе домашнего стада, использовании лошади в погребальном обряде двух культур. Полученные результаты подтвердили и дополнили обрывочные сведения из письменных и изобразительных источников по животным в Когурё.

Ключевые слова: Когурё, Бохай, костные остатки животных, домашние животные, дикие животные, поселение, погребальный обряд

The use of animals in daily life and funeral practices of Koguryeo. MAKSIM A. STOYAKIN (National Research Institute of Cultural Heritage, Taejon, Republic of Korea)

Based on the available information on the remains of animals from settlements and burial grounds of the early medieval state of Goguryeo, the article reveals the role of wild and domestic animals in the everyday life and rituals of the Goguryeo population. Focusing on the data from Horogoru fortified settlement in South Korea, the author reveals and describes the main types of domestic animals which included pigs, cows, horses, and dogs. The data from Goguryeo burial grounds of Korea and China made it possible to show the diverse ways in which domestic and wild animals were used in the burial rite. The comparison of osteological data with that of the Bohai sites allowed to reveal common features in the composition of the domestic herd and the use of horses in funeral rites. The results obtained confirmed and supplemented scraps of information from written and visual sources on animals in Goguryeo.

Keywords: Goguryeo state, Bohai state, animal bones, domestic animals, wild animals, settlement, funeral rite

* СТОЯКИН Максим Александрович, PhD, научный сотрудник Института культурного наследия Республики Корея, г. Тэджон, Республика Корея.

E-mail: stake-14@yandex.ru

© Стоякин М.А., 2021

Введение

В предшествующих работах [17; 20], раскрывающих различные стороны материальной и духовной культуры государства Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.), на основе письменных и изобразительных источников представлено лишь незначительно количество данных об использовании животных в повседневной и ритуальной жизни. В целом подобный характер описания встречается в китайских, корейских и прочих работах. Считается, что в Когурё, несмотря на развитие земледелия, скотоводство и охота всегда играли важную роль [17, с. 96; 20]. Археологические материалы, способные подтвердить данные предположения, отсутствовали. Однако в последнее время появились отдельные работы специалистов-зоологов [4; 7; 14; 15], позволяющие более корректно охарактеризовать использование животных в Когурё.

В данной статье мы рассмотрим, какую роль играли дикие и домашние животные в жизнеобеспечении когурёского населения, а также в погребальном обряде когурёсцев. Для этого будут привлечены результаты анализа остеологического материала с поселений и погребений Когурё, которые прямо указывают на состав используемых видов. Мы будем принимать во внимание и другие археологические находки, связанные с животными (например, детали упряжи), письменные летописные сведения, в том числе касающиеся окружающих государств и культур, и изобразительные источники (погребальные фрески). Наряду с этим будут выявлены сходные и отличительные черты использования животных в Когурё и в Бохае. Все это позволит раскрыть хозяйственную и ритуальную стороны жизни раннесредневекового населения региона, а также реконструировать его пищевую культуру.

Использование животных в повседневной жизни Когурё

Обнаружено большое количество городищ, относящихся к государству Когурё. В последние десятилетия были исследованы и освещены в опубликованных отчетах столичные памятники Гонэйчэн и Ваньду (пров. Цзилинь), а также горные городища Унюй и Шитайцы (пров. Ляонин). В некоторой мере изучен столичный комплекс в Пхеньяне в Северной Корее. На территории Южной Кореи исследовано более десятка городищ и фортов [27]. Тем не менее, информация по остаткам животных со всех указанных

памятников практически отсутствует. Такая же ситуация характерна и для городищ, столичных памятников Бохая на территории КНР и КНДР [28]. Возможно, это связано с плохой сохранностью костных остатков, на которую могла повлиять повышенная кислотность почвы, или же их могли не учесть из-за отсутствия специалистов, которые обладали бы квалификацией, необходимой для определения видового состава животных. Эти обстоятельства ограничивают возможности определения характера использования животных в Когурё.

В таблице 1 обобщена информация по известным находкам костных остатков животных из поселенческих памятников Когурё.

Судя по данным, представленным в таблице, доступная информация по остаткам животных ограничивается несколькими памятниками, расположенными в основном на Корейском полуострове, что влияет на объективность анализа. При этом большое количество остеологического материала получено на многослойном памятнике Ванбабоцзы в восточной части пров. Цзилинь [9]. Кроме поселения тут встречены и погребения, однако авторами не отмечено место сбора костей. При этом, согласно отчету, в материалах раннего и среднего периода Когурё встречено большое количество переотложенного раннего материала. В связи с этим мы считаем, что костный материал на данном памятнике, возможно, смешан и не отражает реальной картины использования животных в прошлом, а потому не будет включен в последующий анализ в данной статье. Отметим лишь, что среди костных остатков на данном памятнике заметно преобладают принадлежащие диким животным, особенно оленевым и кабанам.

Большое значение для изучения остатков животных в рамках поселенческих комплексов Когурё имеют материалы с небольшого равнинного городища Хорогору на севере Южной Кореи, где было обнаружено подземное хранилище и водосборник когурёского времени [29]. После прекращения их функционирования они использовались как ямы для кухонных остатков. При этом, судя по находкам большого количества челюстей и зубов (особенно свиней), часть животных могла использоваться в ритуальных целях [4, с. 485]. Видовое определение выявило наличие 7 видов млекопитающих и 2 видов птиц. Среди них доминируют домашние животные, представленные 4 видами (свинья, лошадь, корова, собака).

Кости животных из поселенческих памятников Когурё

Памятник		Кости животных	Источник
Городище Хоругору	хранилище	корова <i>Bos taurus</i> L. 47 (3), лошадь <i>Equus caballus</i> L. 40 (3), свинья <i>Sus scrofa</i> f. <i>domestica</i> L. 26 (4), собака <i>Canis familiaris</i> L. 4 (1), пятнистый олень <i>Cervus nippon hortulorum</i> 2 (1), косуля <i>Capreolus capreolus</i> 1 (1)	[7]
	хранилище, водосборник	корова 53 (4), лошадь 38 (4), свинья 41 (10), собака 14 (3), олень 31 (4), косуля 10 (3), куницы <i>Mustelidae</i> (1), фазан <i>Phasianus colchicus</i> L. 3 (2), утиные <i>Anatidae</i> (1)	[4]
Колодец в храме Чоннынса		тигр (1), олень (1), косуля (2), енот (1), каракал <i>Caracal caracal</i> (1), кабан (1), ёж <i>Erinaceus europaeus</i> (1), хорек <i>Mustela</i> (1), белка <i>Sciurus</i> (3), мышшь <i>Muridae</i> (2)	[2]
Колодец в Косандоне		рог оленя	[3]
Колодец в Дандуне		кости рыб и птиц	[5]
Поселение Ванбабоцзы	З. и В. Хань (ранний период Когурё)	кабан <i>Sus scrofa</i> L. 348 (7), косуля <i>Capreolus capreolus</i> 255 (18), благородный олень <i>Cervus elaphus</i> L. 211 (11), пятнистый олень <i>Cervus nippon hortulorum</i> 2 (1), кабарга <i>Moschus moschiferus</i> 4 (1), барсук <i>Meles meles</i> 15 (8), тигр <i>Panthera tigris</i> 1 (1), заяц <i>Lepus</i> sp. 10 (5), енот <i>Nyctereutes</i> sp. 2 (2), лиса <i>Vulpes vulpes</i> 1 (1), медведь <i>Ursidae</i> 2 (2), черный соболь <i>Martes zibellina</i> 1 (1), хорек <i>Mustela sibirica</i> 3 (1), лошадь 2 (1), свинья 343 (15), собака 4 (3), курица <i>Gallus gallus</i> 1 (1), черепаха <i>Amyda</i> sp. 1 (1), рыба <i>Osteichthyes</i> 1 (1)	[9, с. 259]
	Цзинь-Вэй (средний период Когурё)	кабан 176 (6), благородный олень 19 (6), олень 2 (1), косуля 116 (7), кабарга 5 (1), заяц 1 (1), хорек 1 (1), барсук 6 (4), тигр 2 (1), свинья 172 (8), корова 1 (1), собака 2 (1), лошадь 1 (1), рыба 1 (1)	

Примечание: после наименования каждого животного указано количество костей, в скобках – минимальное количество особей.

На городище Хорогору самыми многочисленными оказались остатки свиньи. Свинья издревле выступала основным источником мяса. Большинство животных забивалось в возрасте 16–22 месяцев [4, с. 480], что говорит об особом предпочтении, которое отдавалось молодым особям. Такая же ситуация прослежена и в Бохае [24, с. 167; 28, с. 180].

Количество костей коровы и лошади (зафиксированы почти все кости) на городище составляет одинаковую долю. Несмотря на то, что количество костей лошади и коровы суммарно преобладает над количеством костей свиньи, число особей каждого из названных видов в 2 раза меньше числа свиней. Среди костей обнаружен сильно измененный позвонок со следами артрита, что может указывать на возраст лошади. Учитывая также степень истертости коронок зубов, можно предположить, что возраст данной особи составлял 60–72 месяца [4, с. 485]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что лошадь была ценна, а забивать могли только старых или больных особей. Ценность лошадей подтверждают и летописные данные, в которых упоминается, что убитого лошадь или корову превращают в раба [16, с. 100]. Эти животные ценились и в государстве Бохай, на что, возможно, могло оказать влияние и строгое танское законодательство по защите этих животных [28, с. 181]. Изображения коней и всадников на охоте и войне на погребальных фресках Когурё демонстрируют значительную роль лошади в жизни когурёсца. В кургане Ссанёнчхон хорошо сохранилась фреска – самое знаменитое изображение всадника Когурё, позволяющая рассмотреть элементы упряжи. В богатых домах сооружались навесы-конюшни – их изображения можно увидеть на фресках кургана Анак 3 и Токхынни [8, с. 140; 20, с. 113].

Судя по размерам костей, высота лошади могла достигать 156,5 см [4, с. 475]. При этом по письменным источникам в Когурё известны именно малорослые кони *квахам*, которые легко двигаются по горам [16, с. 32, 39; 20, с. 113]. Такие лошади были приспособлены к окружающему горному рельефу, на них легче было взбираться на горные городища – основной тип поселения в Когурё. Когурёские и пуёские лошади были популярны в регионе и часто поставлялись в Китай. Присутствует несколько упоминаний о *чхоллима* («лошадь, пробегающая тысячу ли»)¹, которую посылали в южные

государства Китая в 5–6 вв. н.э. [8, с. 134]. Увод священной лошадью ста лошадей в Пуё из Когурё мог восприниматься как политический символ поражения Когурё во время набега на Пуё при ване Тэмусине [8, с. 137].

Судя по раздробленности костей, коров использовали в пищу, хотя они были дорогими, на что может указывать содержание эпитафии в кургане Токхынни: «...Не мог каждый день есть мясо коровы и овцы, есть рис и пить вино» [8, с. 126]. Анализ костей на Хорогору показал отсутствие молодых особей, костные остатки принадлежали коровам в возрасте 3–4 лет [4, с. 472–475], то есть производился забой только старых или больных особей. Крупный рогатый скот в основном использовался в Когурё для пахоты, перевозки грузов и людей. В Силла также ездили «на быках и лошадях» [16, с. 44]. Изображения на ряде фресок (погребения Токхынни и Муёнчхон) показывают легкие повозки с запряженными в них быками. Находки подков для коров на ряде городищ и погребений свидетельствуют о большой заботе, которую проявляли о скоте. В домах для коров были оборудованы коровники, изображения которых можно увидеть на фресках Яксури и Анак 3 [8, с. 128]. Находки чугунных лемехов на ряде городищ и погребений Когурё говорят об использовании крупного рогатого скота в сельском хозяйстве. На высокую роль этого животного может указывать и изображение бога земледелия с головой коровы на фреске кургана Охвэбун (Тунгоу) № 5 в Цзиани. Как и в Пуё, в Когурё корову приносили в жертву и по ее копытам предсказывали будущее [16, с. 23].

Большое количество остатков костей коровы и лошади на Хорогору может говорить в пользу особой роли самого южного равнинного города Когурё, скорее всего, административного и военного центра, для которого требовалось много тягловой силы. Судя по летописям, количество лошадей и крупного рогатого скота в стране могло достигать значительных цифр. Так, после войны с Когурё китайцами было захвачено по 50 тыс. лошадей и крупного рогатого скота [21, с. 120].

Четвертое место среди домашних животных в Хорогору занимает собака. Ее остатки представлены всеми костями скелета. Среди них выявлена особь до 18 месяцев [4, с. 481]. В целом доля костных остатков собак среди находок аналогична той, что встречается на бохайских памятниках [24, с. 166; 28, с. 180]. Собаки не

¹ Чхоллима является важным символом в современной Северной Корее.

только употреблялись в пищу, но и использовались более привычным для нас образом – для охраны жилища и на охоте. Так, на фреске у входа в погребение Какчочхон представлено реалистичное изображение собаки [17, с. 84], видимо, защищающей этот вход. На фреске кургана Анак 3 две собаки изображены сидящими у кухни во дворе [8, с. 150]. Собак использовали и в частых охотах. На одной из самых знаменитых фресок из кургана Муёнчхон всадник вместе с собакой преследует тигра. На когурёском форте Сураксан в г. Сеул обнаружили голову глиняной фигурки собаки [8, с. 149].

Упоминание о четырех основных видах домашних животных в Когурё мы встречаем в мифе о первопредке Чумоне, которого они спасли, согрев своим теплом [21, с. 36]. Эта роль в оберегании первопредка, несомненно, указывает на важность, которая приписывалась данным животным в представлениях населения Когурё и была связана с их использованием в реальной жизни. Это отразилось и в титулах чиновников в соседнем государстве Пуё, которые называются именами домашнего скота: конь-га, бык-га, собака-га, свинья-га [16, с. 23]. Спасают Чумона от погони и рыбы с черепахами [16, с. 52], что указывает и на их ценность. В пользу их использования как ресурса говорит и формулировка причины выбора места при переносе столицы Когурё – рядом с ним «водится много разной дичи, в реках много рыб и черепах» [21, с. 41].

На городище отсутствуют кости домашней птицы. При этом летописи сообщают о наличии в Пэкче быков, свиней, куриц [16, с. 89], долгохвостой курицы – у корейских племен *махан* [16, с. 33]. Курицей и свининой кормили когурёских воинов, готовящихся к вылазке против осаждающих крепость танских войск [21, с. 121]. Разведение кур практиковалось и в Бохае, подтверждающие этот факт находки встречены на ряде бохайских памятников в Приморье [24, с. 170]. Все это говорит в пользу того, что когурёсцы, несомненно, должны были разводить домашнюю птицу.

Остатки диких животных на городище Хоругу составляют значительно меньшую долю, чем остатки домашних животных. Среди них доминируют олени, но по минимальному количеству особей они делят первую позицию с косулями. Эти животные широко распространены в регионе и являлись источником не только мяса, но и шкур, костей и рогов, которые ис-

пользовались в различных ремеслах. Стоит отметить отсутствие остатков дикой свиньи, что, возможно, связано с трудностью отличить их от костей домашней свиньи. В Бохае оленевые и кабаны были самыми распространенными объектами охоты [24, с. 169; 28, с. 182]. Кроме того, летописи говорят о меховых одеяниях когурёсцев [16, с. 57; 17, с. 95], однако количество костей пушных зверей на городище, представленных куньими, крайне мало, что может указывать и на разделку шкурок на месте добычи. Невелика и доля находок костных остатков дикой птицы (фазана и утиных).

Довольно неожиданным источником для изучения животных в Когурё стали колодцы, где влажные условия помогли сохранить многие органические остатки. Например, в колодце храмового комплекса Чоннынса к северу от г. Пхеньян кроме разнообразных керамических и железных находок было обнаружено 622 кости животных. На их основе были определены 10 видов диких животных, однако домашние виды здесь отсутствовали, что было логично для буддийского памятника. Выдвинуто предположение, что кошачьи (особенно тигр) могли упасть в колодец в погоне за добычей [2]. Стоит отметить, что каракал, обитающий в степи, не типичен для данного района. В другом колодце в том же городе обнаружен рог оленя [3]. В нижнем течении р. Ялуцзян в колодце кроме целой деревянной лодки и других находок были обнаружены кости рыб и птиц [5], однако без видового определения. В целом состав животных показывает сочетание горной и равнинной дикой фауны.

Использование животных в погребальном обряде Когурё

Несмотря на то, что погребальному обряду Когурё посвящен ряд отечественных публикаций [16; 17; 18], в указанных работах отсутствуют данные об использовании животных в погребениях. Данному аспекту не уделялось особого внимания и в зарубежных публикациях. Между тем, в последнее время появились работы по видовому определению костей животных из ряда погребений Когурё в Цзиани [14; 15], где в горной долине расположено свыше 11 тыс. погребений этого времени. Как нам кажется, отсутствие разнообразной информации по остаткам животных с поселений в некоторой степени может быть компенсировано данными, полученными при раскопках погребальных комплексов Когурё.

Данные об использовании костей животных в погребальном обряде когурёсцев, полученные на основании анализа информации о находках из нескольких сотен раскопанных курганов, суммированы в таблице 2.

Стоит отметить небольшое количество (20) курганов, где были обнаружены остатки животных. Для большей части из них указывается только общая информация, иногда – без видового определения. Часто отсутствует и упоминание минимального количества особей, что ограничивает возможности ранжирования видов животных по степени важности. Исследователи отмечают, что кости животных из курганов в большинстве случаев были сломаны, полные костяки отсутствуют. Скорее всего, это связано с особенностями погребального обряда (кремации) и разграблением большинства погребений.

Можно отметить довольно частые находки костных остатков лошади и свиньи, единичные – коровы и собаки на погребениях в Северной Корее. Здесь присутствуют кости всех четырех основных видов домашних животных, но отсутствуют кости диких. Это контрастирует с ситуацией на погребениях на территории Китая, где представлен разнообразный состав дикой фауны, хотя погребальный обряд когурёсцев не претерпел значительных изменений. Помещение костей диких животных в захоронения не было типично и для Бохая [28]. В целом мы наблюдаем аналогичную ситуацию в Когурё, за исключением погребений в районе Цзиани, что может объясняться как территориальными особенностями (территория второй столицы Когурё), так, возможно, и хронологией. Скорее всего, экологическая среда в то время была примерно такой же, как и сейчас [14, с. 384].

Материалы с погребений на территории Китая представляют разнообразный состав домашних и диких животных. Рассмотрим характерные черты использования животных в погребальном обряде Когурё.

В большинстве погребений, относительно которых имеются сведения о наличии костных остатков животных, присутствуют кости лошади. Она являлась важным «напарником» когурёсца, что отображено на многих фресках. Несомненно, помещение костей лошади в курганы был характерно для всего кочевого региона, с которым у Когурё были тесные контакты (прежде всего, сяньби, тюрки). Эта традиция продолжилась и в Бохае, она также известна на

сопредельных мохэских территориях [28]. При этом стоит обратить внимание на некоторое расхождение с письменными сведениями о погребальном обряде Когурё. Вот что говорится о нем в китайских летописях: «После погребения все вещи покойника: одеяние, украшение, телеги, лошадей расставляют подле могилы. Провожавшие покойника разбирают эти вещи и уходят» [16, с. 60]. Тем не менее, судя по находкам костей лошади, при этом могла проводиться и тризна с забоем коня.

На когурёских памятниках, в том числе в погребениях, присутствуют и многочисленные косвенные свидетельства наличия коневодства – всевозможные детали и украшения упряжи. Стоит упомянуть и о почти двух десятках лошадиных подков, сложенных вместе в камере могилы Окдори № 9 в г. Нампхо [11, с. 238–239].

Как и в Бохае, в погребениях Когурё отсутствовали какие-либо другие домашние животные, за исключением свиньи. Свинья, которая издавна использовалась в различных обрядах народов Восточной Азии, имела особое значение в мифологии Когурё [23, с. 113–114].

В крупном погребении Синхунчунь № 28 с каменной камерой и, возможно, деревянным срубом обнаружена часть чугунного лемеха и анатомически целая нижняя конечность, а также пара позвонков овцы/козы [10]. Эта единичная находка может говорить о том, что данная территория из-за влажного климата была мало приспособлена для разведения мелкого рогатого скота. При этом по летописи «Цзю Тан шу» известно, что когурёсцы носили одежду из шерстяных тканей, т.е., видимо, были знакомы с разведением овец [20, с. 113]. Однако это пока не подтверждается археозоологическими материалами, поэтому, возможно, ткань могла завозиться и от кочевых племен (киданей и др.). Мелкий рогатый скот могли получать в ходе военных походов. Например, после кампании великого Квангэтхо-ван было «угнано коров, лошадей, стада овец без разбору» [8, с. 123].

В письменных источниках встречено упоминание о посылке Когурё в начале 7 в. подарка в Японию, который состоял из лошадей и верблюдов [17, с. 99]. Не характерные для этого региона верблюды могли быть получены по Шелковому пути или от кочевых племен Центральной Азии. Единственная находка кости верблюда была сделана на Краскинском городище государства Бохай в Приморье [24, с. 168]. При этом после падения государства Когурё и переселения его

Кости животных из погребений Когурё

Памятник	Тип погребения	Кости животных	Источник
Корейский полуостров (КНДР)			
Рёнхонни № 6, г. Нампхо	каменная камера	кость лошади	[11, с. 218]
Тэканни № 1, г. Кэчхон	каменная камера	нижняя челюсть свиньи	[11, с. 310]
Кочанголь № 1, г. Сунчхон	каменная камера	кость лошади и собаки	[11, с. 360]
Мунхвари, уезд Ёнтхан	каменная камера	лошадь	[11, с. 474]
Рёнмури № 2, уезд Чосан	каменная насыпь	бедренная кость косули и коровы, зубы свиньи	[6; 11, с. 625]
Провинции Цзилинь и Ляонин (КНР)			
Усанха № 540	ступенчатая каменная камера	Верхний слой: пятнистый олень 55 (2), маньчжурский олень <i>Capreolus mantchuricus</i> 17 (3), красный волк <i>Cuon alpinus</i> 2 (1), черный медведь <i>Selenarctos thibetanus</i> 8 (1), заяц <i>Lepus europaeus</i> 2 (1), кабан 1 (1), свинья 3, корова 1, беркут <i>Aquila chrysaetos</i> 36 (5), фазан 31 (3), цапля <i>Ardea sp.</i> 2 (1), рыба змееголов <i>Ophiocephalus argus</i> 1 (1). Нижний слой: пятнистый олень 21 (2), маньчжурский олень 4 (1), черный медведь 1, свиной барсук <i>Arctonyx collaris</i> 2 (1?), свинья 3 (1), фазан 1, цапля 1, моллюски: спинорогая мидия <i>Anodonta woodiana</i> 4, гребенчатка <i>Unio douglasiae</i> 2 (1)	[15]
Сопроводительная могила № 1 у царского кургана Тэванрын (алтарь?)	каменный ящик	красный волк 8 (1), енот <i>Nyctereutes procyonoides</i> 6 (1), пятнистый олень 2 (1), маньчжурский олень <i>Capreolus mantchuricus</i> 4 (1), корова 3 (1), лошадь – 2 зуба (1), свинья 2 (1), фазан 5 (3), дальневосточная черепаха <i>Amyda sinensis</i> 2 (1)	[14]
Самсильчхон	3 камеры	дикие животные	[12, с. 504]
Усанха 3232-1	каменная камера	клык животного	[12, с. 540]
Чхильсонсан 1096	каменная камера	кости и зубы лошади	[12, с. 625–627]
Лаохушао № 1, Цзиань	две камеры под одной насыпью	украшение из клыка (кабан?)	[13, с. 297]
Синхончхон № 28, Цзиань	каменная камера у ступенчатой конструкции	овца/коза <i>Capra et Ovis</i> 13 (1)	[10, с. 39]
Шицзя № 5, пров. Ляонин	каменная камера	раковина моллюска	[13, с. 605]
Шицзя № 26, пров. Ляонин	каменная камера	раковина моллюска	[13, с. 627]
Шицзя № 30, пров. Ляонин	каменная камера	раковина моллюска 8	[13, с. 632]
Шитайцзы № 2 ²	каменная камера	внутри и у входа – кости лошади	[13, с. 822]

Примечание: после наименования каждого животного указано количество костей, в скобках – минимальное количество особей.

² В отличие от китайских ученых корейские исследователи относят могильник к бохайскому времени [1].

жителей в Тан в «Цзю Тан шу» встречаются данные об имуществе дворов: около 6 тыс. коров и лошадей и 60 верблюдов [21, с. 131]. Возможно, они составляли скarb населения, проживавшего недалеко от степных районов.

Большинство находок костей диких животных из погребений Когурё принадлежат оленям и козули. Эти животные были широко распространены (на что указывают и частые упоминания в летописях), их мясо употреблялось в пищу, шкуры использовали для изготовления одежды, а из рогов и костей делали инструменты. Обращает на себя внимание малое количество кабанов. Красный волк, медведь, енот, как и шакалы [8, с. 155], могли добываться ради меха. Шкуры медведей вывозили в Китай и Японию [8, с. 155]. В одном из погребений встречен свиной барсук, восточная граница ареала обитания которого доходит до западной части Ляодуна. На фресках находим изображения 16 видов диких животных, в том числе тигра и других зверей, на которых вели охоту [8, с. 153]. Всего выявлено 15 курганов со сценами охоты на фресках, датируемых 5 в. и расположенных как в Цзиани, так и под Пхеньяном [8, с. 165].

На части курганов обнаружены остатки диких птиц, большинство из которых составляют кости фазанов. Несомненно, что охота на них была популярна в регионе во все времена. Скорее всего, перьями именно этих птиц, согласно хронике «Бэйши», чиновники могли украшать головные уборы [17, с. 95]. Промысел фазанов активно велся и в Бохае, их перья шли на экспорт [24, с. 170].

Привлекает внимание находка костей как минимум 5 особей беркута в погребении Усанха № 540. Эта дорогая птица использовалась многими народами на охоте. Тот факт, что было забито сразу несколько беркутов, может говорить об особом статусе погребенного. Это доказывают и большие размеры могильной конструкции, и богатый инвентарь [12, с. 302–305]. Разнообразный состав дичи может указывать на то, что погребенный был большим любителем охоты.

На фреске Самсильхон изображена сцена с всадником, на руке которого – ловчая птица (сокол/ястреб), приготовившаяся к погоне за другой птицей (видимо, фазаном). На фреске Чанчхон №1 обычный человек (не в доспехах) держит на руке сокола, а перед ним другой сокол уже охотится за какой-то птицей [8, с. 164]. По археологическим данным и письменным источ-

никам известно о ястребиной охоте в Японии в период Кофун. От соседей *сушеней* (т.е. *илоу*) в качестве подарка был преподнесен белый сокол [21, с. 54]. На юге в Пэкче в 6 в. говорится о разведении дома соколов и ястребов [21, с. 176]. У детально выполненной фигурки мохэса из танского погребения на руке сидит ловчая птица [25]. Популярны были соколы-хайдудины и в последующее чжурчжэньское время [22, с. 97–99]. Все эти факты указывают на то, что охота с ловчими птицами в этом регионе была развита.

Кроме привычных представителей фауны в погребениях Когурё зафиксированы своеобразные находки. Например, в могиле у мавзолея Тэванрын встречена находка костей панциря пресноводной дальневосточной черепахи. Эта редкая находка подтверждает данные письменных источников о ловле в этом районе рыб и черепах [17, с. 96].

Интересна находка раковин моллюсков в Цзиани и нескольких погребениях могильника Шицзя. Последний располагается у г. Фушунь, сравнительно далеко от моря. Возможно, это пресноводные моллюски, хотя в Приморье на бохайском городище Горбатка встречены находки морских моллюсков, несмотря на то что оно находится в сотне километров от морского побережья [19, с. 130].

Отмечена всего одна находка костных остатков змееголова, хотя данные летописи говорят о развитом рыболовстве: есть указание, что в Когурё добывали лосося, карася, карпа, амурского сома, китайского ерша и голяна, крабов и креветок [8, с. 176]. На значительную роль рыбалки могут указывать находки в некоторых могилах свыше десятка железных крючков [12, с. 562]. Известно, что сам правитель Тэджо поймал белую рыбу с красными плавниками [8, с. 171]. Отметим, что в бохайских погребениях находки рыб отсутствовали.

Кроме того, в Когурё существовал китобойный промысел, о котором свидетельствуют несколько преподношений вану китового глаза [20, с. 119; 21, с. 72]. В Лолане (район совр. г. Пхеньян) было много полосатых морских леопардов [16, с. 32]. Известно, что и бохайцы вывозили на экспорт шкуры тюленей и зрачки китов [24, с. 170].

Все эти примеры показывают, что охота и рыболовство были важными видами промысла в Когурё. В письменных источниках встречаются многочисленные упоминания об охоте, в которой часто принимал участие и сам прави-

тель. Она имела не только практическое, но и ритуальное значение [20, с. 113], при этом часть пойманных животных могла использоваться во время погребальных обрядов.

Заключение

Рассмотренные остеологические коллекции с поселений и погребений Когурё позволяют получить некоторые представления о системе жизнеобеспечения раннесредневекового корейского населения на севере Корейского полуострова и сопредельных территорий Китая, а также выявить особенности использования животных в погребальном обряде Когурё. Анализ костных остатков животных с городища Хорогору в Южной Корее показал наличие четырех основных видов домашних животных, активно используемых как в обеспечении пропитания, так и в хозяйственной деятельности. Несмотря на это, охота также играла определенную роль в обеспечении населения мясной пищей и ресурсами для занятия ремеслами. Обобщенные в статье археологические данные в целом подтвердили обрывистые свидетельства китайских и корейских письменных источников о роли животных в Когурё, а также внесли в них некоторые коррективы и дополнения.

На данный момент остро стоит задача увеличения объема остеологических данных, особенно с поселений и городищ Когурё, для проверки полученных выводов, а также для выявления территориальных и хронологических особенностей в использовании животных. Кроме того, необходимо рассмотреть и сопоставить имеющуюся информацию с зооархеологическим материалом с памятников других раннекорейских государств Пэкче и Силла, чтобы выявить общие и специфические черты в использовании животных древним населением Кореи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кан Хёнсук. Когурё кочжий Пальхэ-кобун – чунгук ёрёнчибан соксильбуныль чунсимыро (Бохайские курганы на территории Когурё – на примере курганов с каменной камерой в Ляонине Китая) // Хангук когохакпо. 2009. № 72. С. 160–191.
2. Ким Кёнчхан. Чоннынса умулэ тэхаё (О колодце храма Чоннынса) // Чосон когоёнгу. 2006. № 3. С. 27–30.
3. Ким Сабон. Косандоный Когурёумул (Когурёский колодец в Косандоне) // Чосон когоёнгу. 1986. № 1. С. 43–44.

4. Ко Ынбель, Ли Чунчон. Ёнчхон Хорогору чэ3, 4 чха пальгульчоса чхультхо тонмульчончхэ (Остатки животных, полученные в ходе третьих и четвертых археологических работ на Хорогору в Ёнчхоне) // Ёнчхон Хорогору 4: чэ3-4чха пальгуль чосапогосо. Соннам, 2014. С. 471–509.

5. Ли Кванхи. Тандонэсо пальгультвэн Когурё умульчочок (Когурёский колодец в Дандуне) // Чосон когоёнгу. 1995. № 3. С. 42–43.

6. Ли Чоннам. Чагандо Чхосангун Рёнмури 2хо мудом пальгуль чунганпого (Промежуточный отчет о раскопках могилы Рёнмури № 2 в уезде Чхосангун пров. Чагандо) // Чосон когоёнгу. 1989. № 4. С. 44–48.

7. Ли Чунчон. Тонмуль чарё пунсок (Анализ животных остатков) // Ёнчхон Хорогору 3: чэ2чха пальгуль чосапогосо. Соннам, 2007. С. 329–347.

8. Пак Юми. Когурё ымсик мунхваса (История пищевой культуры Когурё). Сеул: Хакён, 2017.

9. Суратисса Д.М., Тан Чжовэй, Гао Сюэуа. Цзилинь Тунхуа Ванбабоцзы цзюлоичжицьюй гушэнтай гайгуань (Обзор палеоэкологии в районе поселения Ванбабоцзы в Тунхуа пров. Цзилинь) // Бяньцзян каогу яньцзю. 2006. № 5. С. 257–270.

10. Цзилиньшэн вэньукаогу яньцзюйшо, Цзианьши боугуан. Цзяньши Тайванчжэнь Синьхунчунь ицзо Гаогоули цзитаньцзи шикуан шиму М28 дэ фацзюэ (Институт культурных ценностей и археологии пров. Цзилинь, Музей г. Цзиань. Раскопки каменного склепа Когурё ступенчатой конструкции № 28 в деревне Синьхун, уезда Тайван, г. Цзиань) // Бэйфань вэньу. 2012. № 3. С. 36–39.

11. Чунан мунхвачжэёнгувон. Когурёый ко-пунмунхва I (Институт культурного наследия Чунан. Погребальная культура Когурё. Т. I). Квачхон: Чининчжин, 2013.

12. Чунан мунхвачжэёнгувон. Когурёый ко-пунмунхва II (Институт культурного наследия Чунан. Погребальная культура Когурё. Т. II). Квачхон: Чининчжин, 2015.

13. Чунан мунхвачжэёнгувон. Когурёый ко-пунмунхва III (Институт культурного наследия Чунан. Погребальная культура Когурё. Т. III). Квачхон: Чининчжин, 2016.

14. Чэнь Цюаньцзя. Цзиань Тайванлин 1 хао пэйцзан мучуту дону гугэ ичунь яньцзю (Исследование останков костей животных из сопроводительной могилы № 1 мавзолея Тайван в Цзиане) // Цзиань Гаогоули ванлин 1990–2003 нянь

Цзиань Гаогоули ванлин дяоча баогао. Пекин: Вэньу, 2004. С. 382–384.

15. Чэнь Цюаньцзя. 03JYM0540 чуതു дэ дону гугэ ичунь яньцзюй (Исследование останков костей животных из погребения Юшань № 03JYM0540) // Цзилинь Цзиань Гаогоули муцзан баогаоци. Цзилинь: Кэсюэ, 2009. С. 321–334.

16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.

17. Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). М.: Наука, 1961.

18. Гилев А.А. Погребальный обряд когурёской элиты IV–VII вв. н.э.: по материалам гробниц с фресками: дис. ... канд. ист. н. Новосибирск, 2010.

19. Города средневековых империй Дальнего Востока / Под ред. Н.Н. Крадина. М.: Издательство восточной литературы, 2018.

20. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы. (К этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972.

21. Ким Бусик. Самгук саги. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М., 1995.

22. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1998.

23. Никитина М.И. Миф о Матери-Свинье и ее Сыне и государственный ритуал переноса столицы в Когурё // Вестник центра корейского языка и культуры. Вып. 1. 1996. С. 112–130.

24. Омелько В.Е., Гельман Е.И., Гасилин В.В., Винокурова М.А. Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 161–174.

25. Соболев А.Е., Соболева А.Е. Гробница эпохи Тан г. Чаоян // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. С. 202–203.

26. Стоякин М.А. Граффити на черепице у когурёсцев // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014. С. 98–100.

27. Стоякин М.А. Когурёские городища, расположенные в Южной Корее // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015. С. 257–275.

28. Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 175–187.

29. Стоякин М.А., Пак Кюджин. Геофизические исследования городища Хорогору в Южной Корее // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 1. С. 95–102.

REFERENCES

1. 강현숙, 2009. 고구려 고지의 발해고분 – 중국 요령지방 석실분을 중심으로 [Balhae tombs in the Goguryeo highlands – focusing on stone chambers in Liaoning, China], 한국고고학보, no. 72, pp. 160–191. (in Korean)

2. 김경찬, 2006. 정릉사 우물에 대하여 [About Jeongneungsa well], 조선고고연구, no. 3, pp. 27–30. (in Korean)

3. 김사봉, 1986. 고산동의 고구려우물 [Koguryo well in Gosan-dong], 조선고고연구, no. 1, pp. 43–44. (in Korean)

4. 고은별, 이준정, 2014. 연천 호로그루 제 3,4차 발굴조사 출토 동물유존체 [Excavated animal remains from 3rd and 4th excavations on Yeoncheon Horogoru]. In: 연천 호로그루 IV (제 3-4차 발굴조사 보고서). 성남시, 2014, pp. 471–509. (in Korean)

5. 리광희, 1995. 단동에서 발굴된 고구려 우물 유적 [Koguryo well remains excavated in Dandong], 조선고고연구, no. 3, pp. 42–43. (in Korean)

6. 이정남, 1989. 자강도 초산군 련무리2호무덤 발굴 중간보고 [Interim report on excavation of Ryeonmuri 2 tomb in Chosan-gun, Jagang Province], 조선고고연구, no. 4, pp. 44–48. (in Korean)

7. 이준정, 2007. 동물자료 분석 [Animal data analysis]. In: 연천 호로그루 III (제2차 발굴조사 보고서). 성남시, 2007, pp. 329–347. (in Korean)

8. 박유미, 2017. 고구려 음식문화사 [Koguryo food culture history]. 서울: 학연문화사. (in Korean)

9. Suratissa, D.M., 汤卓炜, 高秀华, 2006. 吉林通化王八脖子聚落遗址区古生态概观 [An overview of paleoecology in Wangbabozi prehistoric settlement, Tonghua, Jilin Province], 边疆考古研究, no. 5, pp. 257–270. (in Chinese)

10. 吉林省文物考古研究所, 集安市博物馆. 集安市太王镇新红村一座高句丽阶坛积石圻室墓M28的发掘 [Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Ji'an City Museum. Excavation of a Koguryo step altar stone chamber tomb M28, Xinhong Village, Taiwang Town, Ji'an City], 北方文物, 2012, no. 3, pp. 36–39. (in Chinese)

11. 중앙문화재연구원. 고구려의 고분문화 I [Chung-Ang National Institute of Cultural Heritage. Koguryo's burial culture. Vol. I.]. 과천: 진인진, 2013. (in Korean)

12. 중앙문화재연구원. 고구려의 고분문화 II [Chung-Ang National Institute of Cultural Heritage. Koguryo's burial culture. Vol. II.]. 과천: 진인진, 2015. (in Korean)
13. 중앙문화재연구원. 고구려의 고분문화 III [Chung-Ang National Institute of Cultural Heritage. Koguryo's burial culture. Vol. III.]. 과천: 진인진, 2016. (in Korean)
14. 陈全家, 2004. 集安太王陵1号陪葬墓出土动物骨骼遺存研究 [Research on the remains of animal bones unearthed from the Tomb No. 1 of Taiwang Mausoleum in Ji'an]. In: 集安高句丽王陵 1990–2003 年集安高句丽王陵调查报告. 北京: 文物出版社, 2004, pp. 382–384. (in Chinese)
15. 陈全家, 2009. 03JYM0540 出土的动物骨骼遺存研究 [Research on the animal remains from Tomb 03JYM0540]. In: 吉林集安高句丽墓葬报告集. 北京: 科學出版社, 2009, pp. 321–334. (in Chinese)
16. Bichurin, N.Ya., 1950. Sbranie svdenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of data on the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T. II. Moskva; Leningrad. (in Russ.)
17. Vorob'ev, M.V., 1961. Drevnyaya Koreya (istoriko-arkheologicheskii ocherk) [Ancient Korea (historical and archaeological essay)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
18. Gilev, A.A., 2010. Pogrebal'nyi obryad koguryoskoi elity IV–VII vv. n.e.: po materialam grobnits s freskami [Funeral rite of the Koguryo elite in the 4th–7th centuries AD: based on materials from tombs with frescoes], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
19. Kradin, N.N. ed., 2018. Goroda srednevekovykh imperii Dal'nego Vostoka [Cities of medieval empires in the Far East]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (in Russ.)
20. Dzharylgasimova, R.Sh., 1972. Drevnie koguryostsy. (K etnicheskoi istorii koreitsev) [Ancient Koguryo people. (On the ethnic history of Koreans)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
21. Kim Busik, 1995. Samguk sagi. T. 2. Letopisi Koguryo. Letopisi Pekche. Khronologicheskie tablitsy [Samguk sagi. Vol. 2. Chronicles of Koguryo. The Baekje Chronicle. Chronological tables]. Moskva. (in Russ.)
22. Nesterov, S.P., 1998. Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya [The peoples of Priamurye in the early Middle Ages]. Novosibirsk. (in Russ.)
23. Nikitina, M.I., 1996. Mif o Materi-Svin'e i eyo Syne i gosudarstvennyi ritual perenosa stolitsy v Koguryo [The myth of the Mother Pig and her Son and the state ritual of transferring the capital in Koguryo], Vestnik tsentra koreiskogo yazyka i kul'tury, no. 1, pp. 112–130. (in Russ.)
24. Omelko, V.E., Gel'man, E.I., Gasilin, V.V. and Vinokurova, M.A., 2020. Dikie i domashnie zhivotnye v zhizneobespechenii bokhaiskogo goroda Yan'chzhou [Wild and domestic animals in life support of Yanzhou City of Bohai State], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 161–174. (in Russ.)
25. Sobolev, A.E. and Soboleva, A.E., 2016. Grobnitsa epokhi Tang g. Chaoyan [Tang period tomb in Chaoyang City]. In: Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei. Materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchyonykh. Chita: Izd-vo ZabGU, 2016, pp. 202–203. (in Russ.)
26. Stoyakin, M.A., 2014. Graffiti na cherepitse u koguryostsev [Graffiti on the tiles of the Koguryo]. In: Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii. Novosibirsk, 2014, pp. 98–100. (in Russ.)
27. Stoyakin, M.A., 2015. Koguryoskie gorodishcha, raspolzheny v Yuzhnoi Koree [Koguryo fortresses located in South Korea]. In: Srednevekovye drevnosti Primor'ya. Vyp. 3. Vladivostok, 2015, pp. 257–275. (in Russ.)
28. Stoyakin, M.A., 2020. Ostatki zhivotnykh s bokhaiskikh pamyatnikov v Kitae: ispol'zovanie zhivotnykh v povsednevnoi zhizni i pogrebal'noi praktike [Animal remains from Bohai sites in China: the use of animals in daily life and funeral ceremonies], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 175–187. (in Russ.)
29. Stoyakin, M.A. and Pak Kyujin, 2019. Geofizicheskie issledovaniya gorodishcha Khorogoru v Yuzhnoi Koree [Geophysical studies at the Horogoru Fortified Settlement in South Korea], Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, Vol. 47, no. 1, pp. 95–102. (in Russ.)